

...И ЧЕРНЫЙ СНЕГ

Сов. культура. - 1988. - 15 нояб

С искусством Сергея Бархина отношения у меня складывались не просто. Уважая в нем мастера, подчиняясь театральному очарованию эскизов, их изобразительным парадоксам, склонна была упрекать художника в некоем безразличии к правде жизни и театра, поиском которой было посвящено творчество сценографов его поколения. Они шли от жизни — Бархин от искусства. Они искали обжигающую правду — Бархин сочинял праздник. Они создавали мощные пространственные композиции — Бархин изображал архитектуру. Они использовали натуральные фактуры — Бархин любил блески, мишуру, делал живописные панорамы. Среди мастеров своего поколения, которые при всем индивидуальном своеобразии шли словно бы параллельными путями, он возникал каким-то перпендикуляром... У них были постоянные и прочные содружества с режиссурой, Бархин же бродил по разным театрам, встречался с разными постановщиками, и от этих случайных связей оставались прелестные эскизы. Не так давно художник собрал их и показал в Центральном Доме актера. Такой красивой выставки эти залы не видели давно.

Выставка тем еще хороша, что позволяет по-новому увидеть художника. Нет, нового Бархина там не было — явился цельный Бархин, мастер особенный и абсолютно последовательный в своем развитии. Особенность его не только в том, что сам он не похож на других, но и в том, что на него нет похожих. В самом деле, у него отсутствует шлейф, нет школы, даже эпигонов — единицы. Ничего удивительного в этом нет. Чтобы следовать Бархину, необходимо по крайней мере:

уметь свободно жить во всех культурных измерениях прошлого, иметь абсолютный слух на самоновейшие веяния мирового искусства, быть выдающимся стилистом, работать весело, импровизационно, любить игру, иметь театральный вирус в крови.

Бархин имеет и умеет. Не

только в сценографии, но и в книжной графике, в архитектуре (победил, например, в международном конкурсе 1987 года на создание театрального пространства в одном из старых кварталов Роттердама).

Однако именно на выставке замечаешь, что его великолепные эскизы отнюдь не всегда принадлежат великолепным спектаклям. Так уж сложилась жизнь, что, пестуя свою независимость, более всего дорожа свободой художественной воли, Бархин не обрел своего театрального дома, своего режиссера. Были, разумеется, встречи с талантливыми постановщиками, иногда повторялись, но чаще работал с теми, кто не обременял художника сильной и целостной концепцией, полностью доверял ему, но не всегда понимал. Комплекса невоплощенности избежать, кажется мне, помогает отношение к эскизу как к законченному авторскому высказыванию на тему «Я и пьеса». Между тем пластические предложения Бархина всегда имеют явственное режиссерское зерно, требуют определенной системы актерской игры, внушают интонацию спектакля. Только вот реализовать все эти требования и внушения сам художник не может — для этого нужны люди других театральных профессий, и вообще многое, слишком многое должно сойтись, чтобы состоялся Спектакль.

И вот совпало: «Собаچه сердце» М. Булгакова, режиссер Г. Яновская, художник С. Бархин. Слепительная находка художника — черный снег. С ним вошли в спектакль выюги «Белой гвардии», еще один голос услышался — Блок, «Двадцать». Нет-нет, ни у Блока, ни у Булгакова черный снег не поминается, но именно благодаря ему эпохой, ветрами ее просквозило спектакль, семья Турбиных вспомнилась — не уютной квартирой с кремовыми шторами, а улицей заснеженной, пустынной, где метет этот проклятый снег, где продрогший пес скулит. Не было бы черного снега в спектакле — не возникла бы цепочка ассоциаций, уходящих в глубь истории, в глубь куль-

туры. Ибо что такое эти золоченые египетские колонны в «Собачем сердце»? Декорации к «Аиде» или представители некоей культуры, с которой органично связан профессор Преображенский, но которой не существует ни для Шарикова, ни для Швондера с компанией? И что же они, родимые, с нею сделали: чем ближе к рампе, тем непригляднее, тем фанернее эти колонны — серые, ободренные, каркас виден, пустота внутри...

Сегодня часто сетуют по поводу малокультурья тех, кто делает современный театр. А вот Бархин свободно играет культурными пластами, традициями, стилями. Это подтверждают и эскизы к «На всякого мудреца» Островского (Малый театр) и «Укрощение строптивой» Шехалина (Саратов). Закономерно, что эти работы выдвинуты на соискание Государственной премии России.

Искусство Сергея Бархина делает лицо нашего театра привлекательней, вызывает на спор.

А. МИХАЙЛОВА.

● С. Бархин. Эскиз декорации к спектаклю «Соловей» по сказке Г.-Х. Андерсена в Московском гюзе.

● Эскиз костюма к спектаклю «Укрощение строптивой».

Фото В. Кузнецова.